

РЕЦЕНЗИИ

© 1999 г., ЭО, № 3

В. В. Н а п о л ь с к и х . Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. 266 с.

Рецензируемая книга состоит из двух частей. Первая часть – действительно введение в уралистику, хотя и предполагает некоторое знакомство читателя с основными положениями и понятиями уральского языкоznания. Она занимает 100 страниц (с. 6–105) и содержит начальные сведения по этнической истории уральских народов, отражающие более или менее устоявшиеся в науке положения. Этот раздел имеет характер учебного пособия, университетского спецкурса. Автор сообщает нам данные, но не аргументирует их в развернутом виде. Тем не менее полностью, с которой эти сведения собраны из арсенала разных наук, сведены воедино и последовательно изложены, делает эту книгу, без сомнения, лучшим в мировой литературе сводным источником базисных знаний об уральских народах и их происхождении. Ничего подобного по всесторонности и глубине охвата мы до сих пор не имели, и отныне вхождение в круг уральской проблематики для начинающих ученых и вообще всех, кто хочет об этой проблематике иметь понятие, будет значительно облегчено.

Первая часть книги состоит из параграфов, объединенных в главы. Каждому уральскому народу, от крупнейших, как венгры и финны, до самых малых, как водь и ливы, посвящен отдельный параграф. Только саамы выделены в небольшую отдельную главу. Все прочие параграфы объединены в пять глав, каждая из которых имеет небольшое введение: это прибалтийско-финские народы, поволжские финны, пермские, угорские и самодийские народы.

Во введениях к главам обрисованы обстоятельства выделения локальной общности, явившейся предковой по отношению к народам данной группы, археологический фон ее формирования, основные физико-антропологические характеристики.

Параграфы, посвященные отдельным народам (всего их 20), естественно, весьма различны по величине (по 7–8 стр. о венграх, саамах, ненцах, по 3 стр. о инганасанах, карелах, энцах, по 2 стр. об эстонцах, ижорцах, води, ливах, 1 стр. о ныне исчезнувших саянских самодийцах – камасинцах, маторах, карагасах). Построены они более или менее по схеме глосс энциклопедии: происхождение эндо- и экзоэтнонимов, исторические источники, исторический очерк (включая по возможности археологическую предысторию), современное состояние, расселение, численность (в том числе говорящих на родном языке).

Сведения о занятиях и религии очень скучны, данные об этнографических бытовых особенностях почти отсутствуют, что, несомненно, является ощутимым недостатком. Но даже с учетом этого недостатка справочно-энциклопедическая и вводно-учебная ценность данного раздела рецензируемой книги очень высока.

Вторая часть книги, почти равная первой по объему, хотя и вполне вписывается в рамки учебного пособия, носит принципиально иной, не компилятивно-справочный, а проблемный, исследовательский, творческий характер. В ней изложены во многом дискуссионные собственные разыскания и соображения В. В. Напольских по поводу локализации уральской прародины и хода расщепления пракуральского языкового единства.

Этим разысканиям автор предпосыпает ряд методологических и теоретических постулатов. Некоторые из них, в частности такие ключевые понятия, как прайзык, пранаорд, прародина в узколингвистическом и более широком этноисторическом смысле, более или менее общеприняты. Более новаторскими представляются идеи о накоплении инноваций на отдельных участках исходного прайзыкового массива, отпочковании новых языков (назовем их языками – «детками») и о последующем поглощении (я бы сказал – «пожирании») «детками» остатков тела первоначального «материнского» организма. Важно, что эти процессы, как правило, определяются не внутриязыковыми факторами спонтанной эволюции, а экстралингвистическими, социальными, политическими, экономическими, а возможно, и экологическими причинами.

В терминологии В. В. Напольских различаются «эндоуральские» языки (в нашей терминологии языки – «детки», развившиеся в ныне существующие языковые организмы), «парауральские» языки, т.е. остаточные диалектные массивы материнского прайзыка, не развившиеся в новые языки, и, наконец, «экзоураль-

ские» языки, т.е. изначально внешние по отношению к прайзыку, не уральские, но постепенно, хотя бы через стадию лингва франка уralизовывавшиеся (например, севернопалеоевропейские), в конечном счете, очевидно, тоже поглощенные прожорливыми «эндоуральскими» «детками».

Трудно сказать, насколько эта драматическая картина, весьма напоминающая вегетативное размножение некоторых колониальных полипов, соответствует реальной исторической действительности. Если судить по аналогиям с более поздними, лучше изученными и документированными процессами развития и диффузии романских, новоиндоарийских и даже восточнославянских языков, то можно видеть, что те или иные инновации накапливаются по всему пространству прайзыкового тела. Другое дело, что одни из них по тем же экстралингвистическим причинам создают в итоге новое качество вновь оформленных и осознанных локальных этнически обозначенных языков, а другие остаются в соединительной ткани промежуточных, пограничных диалектов и в дальнейшем могут исчезать, растворяться, будучи поглощенными этнически обозначенными языками по мере нарастания их дискретности. Конечно, скажем, бретонский или любой галльский язык однозначно может быть определен как «экзороманский». Но что мы можем считать «парароманским»? Оскские, умбрские и другие поглощенные народной латынью итальянские диалекты? Или же имеющие тенденцию к ассимиляции савойско-пьемонтские, рето-романские, лангедокские, власско-аромунские диалектные пучки? Следует ли считать урду и западный хинди (хари-боли) «эндоиндоарийскими» языками, а восточный хинди (бхари) и пали – «параиндоарийскими»? Эти и подобные им недоуменные вопросы неизбежно возникают, когда смотришь на рис. 7 (рисунки сосредоточены в конце книги, где на карте Северной Евразии выделены прауральский и заметно выходящие за его пределы, эндо-, парауральский и прафинноугорский ареалы. Последний, правда, назван экологическим, но это сути дела не меняет. Лишь прасамодийский ареал вполне идентичен с восточной частью прауральского. В принципе такие несовпадения вполне возможны, и в тексте книги в основном им даны объяснения, но далеко не всем. Во всяком случае непонятны выходы эндоуральского ареала далеко на запад от границ прафинноугорского и парауральского ареала в район Прионежья. Тогда уж почему не всей Финляндии?)

А вот на Востоке, как далеко ни протянут у В.В. Напольских парауральский ареал, он все же не дотягивает до западных границ праокагирского ареала, даже в самой широкой их оценке, хотя должен был бы дотягивать, исходя из в общем-то уже твердо установленных уральско-юкагирских связей.

Впрочем, все это, по большому счету, мелочи. Никакая карта, схема, ареальная линия не может отразить реальной мозаичности расселения мелких племенных групп охотниче-рыболовецкого населения как в настоящем, так и в прошлом. Наметить можно лишь самые приблизительные границы, а реальные передвижения этого крайне подвижного населения могут эпизодически проходить на сотни километров далее. В целом проблема уральской языковой прародины как занимающей в основном лесную зону Западной Сибири с частичным выходом в Западное Приуралье решена В.В. Напольских весьма убедительно.

Показано, что аргументы, связанные с наличием в языках общей терминологии (еж, бобр, пчела, липа, вяз), не противоречат такой локализации. По меньшей мере не противоречат ей и данные археологии и физической антропологии, показу чего посвящена специальная VI гл. второй части книги.

Обрисовав свое отношение к достоинствам и недостаткам существующей методики построения языковых генеалогических древес вообще и конкретных существующих попыток в отношении уральских языков в частности, автор книги дает собственную интерпретацию подобного дерева. Первая его особенность – различие постепенных эволюционных процессов и более резких скачкообразных переходов на ранних этапах уральского деления. (Примером первого может служить формирование прафинноугорских языков, примером второго – выделение прасамодийского.) Вторая особенность – решительное отрижение существования праволжской общности. Из финно-волжской общности, оставшейся после отделения пра-пермской, тремя самостоятельными и равноправными потоками выделяются прафинскосаамский, прамарийский (возможно, включавший в себя и прамерянский) и прамордовский языки. Равным образом нет никакого общего южносамодийского прайзыка, противопоставленного прасеверносамодийскому. Одновременно с последним и независимо друг от друга из прасамодийского языка выходят селькупский, камасинский и маторско-карагасский языковые потоки.

Скажем откровенно: в реальности так не бывает. Межъязыковые дистанции, подобно межрасовым и любым другим историческим дистанциям, никогда не бывают абсолютно равновеликими. Они могут выглядеть таковыми только в силу несовершенства нашего измерительного аппарата. За исключением чисто политических событий, вроде распада СССР, любое реальное разделение всегда выглядит как серия последовательных бифуркаций. Другое дело, что точки бифуркаций могут отстоять друг от друга так недалеко или видеться нам так смутно, что мы с нашим несовершенным аппаратом можем разглядеть

только некую расплывчатую кляксу три- или квадрифуркации. Видимо, так обстоит дело и в данном случае.

На схеме древа В.В. Напольских нет абсолютной хронологии, есть только относительная, что и оговорено в тексте. Впрочем, практически для всех важнейших языковых событий в разных местах книги можно найти датировки, но обычно очень осторожные, в амплитуде полутысячелетия, а то и более.

Хронология уральской предыстории посвящен специально раздел III второй части книги. В.В. Напольских с явным скепсисом относится к методам глоттохронологии и предпочитает, когда возможно, датировку по косвенным данным. Так, считая, что начало распада праиндоевропейского языка могло иметь место не ранее конца IV тыс. до н. э., начало распада прафинноугорского, исходя из наличия индоиранских заимствований в нем, он относит примерно к 2500 г. до н. э. (плюс-минус несколько веков!). Предшествовавший этому распаду прауральского языка датируется VI-V тыс. до н. э., когда он разделился на прафинноугорский и прасамодийский. Угорский прайзик, по оценкам разных исследователей, распался в конце II – середине I тыс. до н. э., прасамодийский – на рубеже эр, прибалтийско-финский – в первые века н. э., пермский – всего около 1000 лет тому назад.

Один из наиболее увлекательных и познавательно ценных разделов книги – «Внешние связи уральского, самодийского и финноугорского прайзиков». В.В. Напольских обоснованию аргументирует свое скептическое отношение к возможности генетического родства или ранних контактов прауральского и праиндоевропейского языков; в крайнем случае иногда можно говорить об общем ностратическом фонде или бродячем технико-культурном термине (например, прафинноугор. **pata* – глиняный горшок, праиндоевр. **rod* – то же, прадравид. **pata* (la) – глиняный широкогорлый горшок, см. с. 124). «И сегодня остается верной старая традиционная точка зрения, согласно которой первым контактом между уральскими и индоевропейскими языками был контакт между финно-угорским прайзиком и какими-то праиндоиранскими диалектами» (с. 149).

В самодийских языках следов таких контактов нет, но имеются тохарские заимствования, которые в относительно позднюю эпоху охватили все эндоуральские группы. В.В. Напольских увязывает их с «сейминско-турбинским транскультурным феноменом» середины II тыс. до н. э., выразившимся в распространении небольших групп носителей высокотехнологичной бронзовой металлургии с предгорьев Алтая и Саян на северо-запад, на Урал, и далее до Оки и Нижегородского Поволжья. Поиски истоков этого феномена дают основания связывать его с участием протохаров как носителей афанасьевской культуры (с. 157). Далее рассматриваются последовательно контакты финно-угров с протобалтами, германцами и славянами.

Аналогичным образом решается вопрос об урало-алтайских языковых соотношениях – часть из них опять-таки может решаться на ностратическом уровне, но есть и явные следы контактов, причем на всех уровнях – от прауральского с пратунгусоманьчжурским до самодийско-эвенкийских. Связи с другими ветвями алтайской семьи помимо тунгусо-маньчжурских невелики: есть поздние монгольские заимствования в южносамодийских языках. Ранние тюрко-самодийские и тюрко-угорские контакты могли иметь место в степях юга Сибири в основном начиная с рубежа н. э.

Языковые контакты отразились как в э́кзо-, так и в эндоэтнонаимах многих финно-угорских народов. Иранское происхождение имеют этнонимы удмуртов и мордвы, балтские и скандинавские – этнонимы саамов. Одна их группа, типа «скритифини» у Прокопия Кесарийского, «сирифенни» у Географа Равенинского, «скререфенни» у Иордана (VI в.) отражает древнескандинавские *skrida* – ходить на лыжах.

Хотелось бы спросить, не находится ли эта группа этнонимов в какой-то связи с наименованием *сиртъя*, *сихиртъя* – подземных карников ненецких преданий – и не является ли это подтверждением предположения о саамском субстрате в этногенезе ненцев. В.В. Напольских видит в сихиртъя остаток древнейших парашуральцев в самом широком смысле (с. 90), но более конкретных параллелей не проводит.

При чтении этой книги возникают и другие вопросы. Например, об уральско-дравидских соотношениях. Но достаточно очевидно, что даже для обоснованной постановки вопроса тезаурус источников еще не созрел, а гаданием В.В. Напольских не занимается. То, что он пишет, конечно, не истина в последней инстанции, но позиция, которую можно аргументированно защитить, концепция, которую с большей надежностью, чем любую другую, можно предложить студенту и молодому ученому, входящему в круг проблем уралистики. Редко в наши времена попадается в руки книга, которую по прочтении закрываешь с таким глубоким чувством удовлетворения.

C.A. Арутюнов